

ДЕСЯТЫЙ КЛАСС

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (на ваш выбор) произведения. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Борис Зайцев

ВОЛКИ

Там рощи шумны, фиалки сини...

Гейне

I

Это тянулось уже с неделю. Почти каждый день их обкладывали и стреляли. Высохшие, с облезлыми боками, из-под которых злобно торчали ребра, с помутневшими глазами, похожие на каких-то призраков в белых, холодных полях - они лезли без разбору и куда попало, как только их подымали с лежки, и бессмысленно метались и бродили все по одной и той же местности. А охотники стреляли их уверенно и аккуратно. Днем они тяжело залегали в мало-мальски крепких кустиках, икали от голода и зализывали раны, а вечером собирались по нескольку и гуськом бродили по бесконечным, пустым полям. Темное злое небо висело над белым снегом, и они угрюмо плелись к этому небу, а оно безостановочно убегало от них и все было такое же далекое и мрачное.

Было тяжело и скучно на полях.

И волки останавливались, сбивались в кучу и принимались выть; этот их вой, усталый и болезненный, ползал над полями, слабо замирал за версту или за полторы и не имел достаточно силы, чтобы взлететь высоко к небу и крикнуть оттуда про холод, раны и голод.

Белый снег на полях слушал тихо и равнодушно; иногда от их песни вздрагивали и храпели мужицкие лошаденки в обозе, а мужики ругались и подхлестывали.

На полустанке у угольных копей иной раз слышала их молодая барыня-инженерша, прогуливаясь от дому до трактира на повороте, и ей казалось, что поют ей отходную; тогда она закусывала губу, быстро возвращалась домой, ложилась в постель, засовывала голову между подушек и, скрипя зубами, твердила: «Проклятые, проклятые».

II

Был вечер. Задувал неприятный ветер, и было холодно. Снег был одет в жесткую сухую пленочку, чуть-чуть хряскавшую всякий раз, как на нее наступала волчья лапа, и легкий холодный снежок змейками курился по этому насту и насмешливо сыпал в морды и лопатки волкам. Но сверху снега не шло, и было не очень темно: за облаками вставала луна.

Как всегда, волки плелись - гуськом: впереди седой, мрачный старик, хромавший от картечины в ногу, остальные - угрюмые и ободранные - старались поаккуратнее попадать в следы передних, чтобы не натруживать лап о неприятный, режущий наст.

Темными пятнами ползли мимо кустарники, большие бледные поля, по которым ветер гулял вольно и беззастенчиво, - и каждый одинокий кустик казался огромным и страшным; неизвестно было, не вскочит ли он вдруг, не побежит ли, - и волки злобно пятились, у каждого была одна мысль: «Скорее прочь, пусть все они там пропадают, только бы мне уйти».

И когда в одном месте, пробиваясь по каким-то дальним огородам, они вдруг наткнулись на торчавший из снега шест с отчаянно трепавшейся по ветру обмерзшей тряпкой, все как один кинулись через хромого старика в разные стороны, и только кусочки наста помчались из-под их ног и шурша заскользили по снегу.

Потом, когда собрались, самый высокий и худой, с длинной мордой и перекошенными от ужаса глазами, неловко и странно сел в снег.

- Я не пойду дальше, - заикаясь говорил он и щелкнул зубами. - Я не пойду, белое кругом... белое все кругом... снег. Это смерть. Смерть это.

И он приник к снегу, как будто слушая.

- Слышите... говорит!

Более здоровые и сильные, впрочем тоже дрожавшие, презрительно оглядели его и поплелись дальше. А он все сидел на снегу и твердил:

- Целое кругом... белое все кругом...

Когда взобрались на длинный, бесконечный взволк, ветер еще пронзительнее засвистел в ушах: волки поежились и остановились.

За облаками взошла на небо луна, и в одном месте на нем мутнело желтое неживое пятно, ползшее навстречу облакам; отсвет его падал на снега и поля, и что-то призрачное и болезненное было в этом жидком молочном полусвете.

Внизу, под склоном, пятном виднелась деревня; кое-где там блестели огоньки, и волки злобно вдыхали запахи лошадей, свиней, коров. Молодые волновались.

- Пойдем туда, пойдем, все равно... пойдем. - И они щелкали зубами и сладострастно двигали ноздрями.

Но хромой старик не позволил.

И они поплелись по бугру в сторону, а потом вкось через ложбину, навстречу ветру.

Два последние долго еще оглядывались на робкие огоньки, деревню и скалили зубы.

- У-у, проклятые, - рычали они, - у-у, проклятые!

III

Волки шли шагом. Безжизненные снега глядели на них своими бледными глазами, тускло отблескивало что-то сверху, внизу поземка ядовито шипела, струясь зигзагами по насту, и все это имело такой вид, будто тут, в полях, наверно знают, что никому никуда нельзя добежать, что и нельзя бежать, а нужно стоять смирно, мертво и слушать.

И теперь волкам казалось, что отставший товарищ был прав, что белая пустыня действительно ненавидит их; ненавидит за то, что они живы, чего-то бегают, топчутся, мешают спать; они чувствовали, что она погубит их, что она разлеглась, беспредельная, повсюду и зажмет, похоронит их в себе. Их брало отчаяние.

- Куда ты ведешь нас? - спрашивали они старика. - Знаешь ли ты путь? Выведешь ли куда-нибудь?

Старик молчал.

А когда самый молодой и глупый волчишка стал особенно приставать с этим, он обернулся, тускло поглядел на него и вдруг злобно и как-то сосредоточенно куснул вместо ответа за загривок.

Волчишка взвизгнул и обиженно отпрыгнул в сторону, проваливаясь по брюхо в снег, который под настом был холодный и сыпучий. Было еще несколько драк - жестоких, ненужных и неприятных.

Раз последние двое отстали, и им показалось, что лучше всего лечь и сейчас же умереть; они завыли, как им казалось, перед смертью, но когда передние, трусившие теперь вбок, обратились в какую-то едва колеблющуюся черную ниточку, которая по временам тонула в молочном снеге, стало так страшно и ужасно одним под этим небом, начинавшимся в летящем снегу прямо над головой и шедшим всюду, в посвистывавшем ветре, что оба галопом в четверть часа догнали товарищей, хотя товарищи были зубастые, голодные и раздраженные.

IV

До рассвета оставалось часа полтора. Волки стояли кучей вокруг старика. Куда он ни оборачивался, везде видел острые морды, круглые, блестящие глаза и чувствовал, что над ним повисло что-то мрачное, давящее, и если чуть шелохнуться, оно обсыплется и задавит.

- Где мы? - спрашивал кто-то сзади тихим, сдавленным от бешенства голосом.

- Ну-ка? Когда мы придем куда-нибудь?

- Товарищи, - говорил старый волк, - вокруг нас поля; они громадны, и нельзя сразу выйти из них. Неужели вы думаете, что я поведу вас и себя на гибель? Правда, я не знаю наверно, куда нам идти. Но кто это знает? - Он дрожал, пока говорил, и беспокойно оглядывался по сторонам, и эта дрожь в почтенном, седом старике была тяжела и неприятна.

- Ты не знаешь, не знаешь! - крикнул все тот же дикий, непомнящий голос. - Должен знать!

И прежде чем старик успел разинуть рот, он почувствовал что-то жгучее и острое пониже горла, мелькнули на вершок от лица чьи-то желтые, невидящие от ярости глаза, и сейчас же он понял, что погиб. Десятки таких же острых и жгучих зубов, как один, впились в него, рвали, выворачивали внутренности и отдирали куски шкуры; все сбилось в один катающийся по земле комок, все сдавливали челюсти до того, что трещали зубы. Комок рычал, по временам в нем сверкали глаза, мелькали зубы, окровавленные морды. Злоба и тоска, выползавшая из этих ободранных худых тел, удушливым облаком подымалась над этим местом, и даже ветер не мог разогнать ее. А заметюшка посыпала все мелким снежочком, насмешливо посвистывала, неслась дальше и наметала пухлые сугробы. Было темно.

Через десять минут все кончилось.

На снегу валялись ободранные клочья, пятна крови чуточку дымились, но очень скоро поземка замела все, и из снега торчала только голова с оскаленной мордой и закушенным языком; тусклый тупой глаз замерзал и обращался в ледяшку. Усталые волки расходились в разные стороны; они отходили от этого места, останавливались, оглядывались и тихонько брели дальше; они шли медленно-медленно, и никто из них не знал, куда и зачем идет. Но что-то ужасное, к чему нельзя подойти близко, лежало над огрызками их вожака и безудержно толкало прочь в холодную темноту; темнота же облежала их, и снегом заносило следы.

Два молодых легли в снег шагах в пятидесяти друг от друга и лежали тупо, как поленья; они не обсасывали окровавленных усов, и красные капельки на усах замерзали в жесткие ледяшки, снегом дуло в морду, но они не поворачивались к затишью. Другие тоже позалегли вразброд и лежали. А потом они опять принялись выть, но теперь каждый выл в одиночку, и если кто, бродя, натыкался на товарища, то оба поворачивали в разные стороны.

В разных местах из снега вырывалась их песня, а ветер, разыгравшийся и гнавший теперь вбок целые полосы снега, злобно и насмешливо кромсал ее, рвал и расшвыривал в разные стороны. Ничего не было видно во тьме, и казалось, что стонут сами поля.

1902

Я славы не искал, зачем огласка?
Зачем толпа вокруг одной любви?
Вас назовут, в лицо метнётся краска,
Сбежит со щёк, и где она – лови.

Он целый мир, казалось, приобрёл,
Но потерял товарищей немногих,
Зато нашёл ценителей нестрогих,
Их ослеплял незримый ореол.

Когда проходит, глаз с него не сводят,
Его же взгляд для них под стать лучу.
Но просто так, как раньше, не подходят,
Ну хоть бы кто-то хлопнул по плечу.

Уйти бы в лес, оставив пустышки,
Собрать минут рассыпанные звенья
И написать прекрасные стихи
О славе, столь похожей на забвеньё.

1970

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Представьте, что вы - редактор нового издания «Лермонтовской энциклопедии», адресованной школьникам и студентам. По вашему заказу один из молодых сотрудников редакции написал для энциклопедии статью о стихотворении «Утес». Отредактируйте эту статью. Сначала выпишите для автора статьи все допущенные им ошибки, объясните, какие исправления следует сделать. Затем приведите полный (откорректированный) текст статьи, внося необходимую дополнительную информацию о произведении (например, о его творческой истории, уже имеющихся в науке и новых возможных прочтениях, интерпретациях в других видах искусства, значимых исследовательских работах и т.п.).

Исходный текст статьи: Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Утес» (1837) является переводом одного из стихотворений Г. Гейне. В стихотворении представлены два образа, противопоставленные друг другу: старый утес и тучка. Поэтому центральная тема сонета – неразделенная любовь. В лирике Лермонтова она имеет автобиографический характер: поэт рано осиротел, всегда чувствовал себя непонятым, одиноким, особенно в последний год своей жизни, на Кавказе, куда он был сослан за публикацию романа «Герой нашего времени».